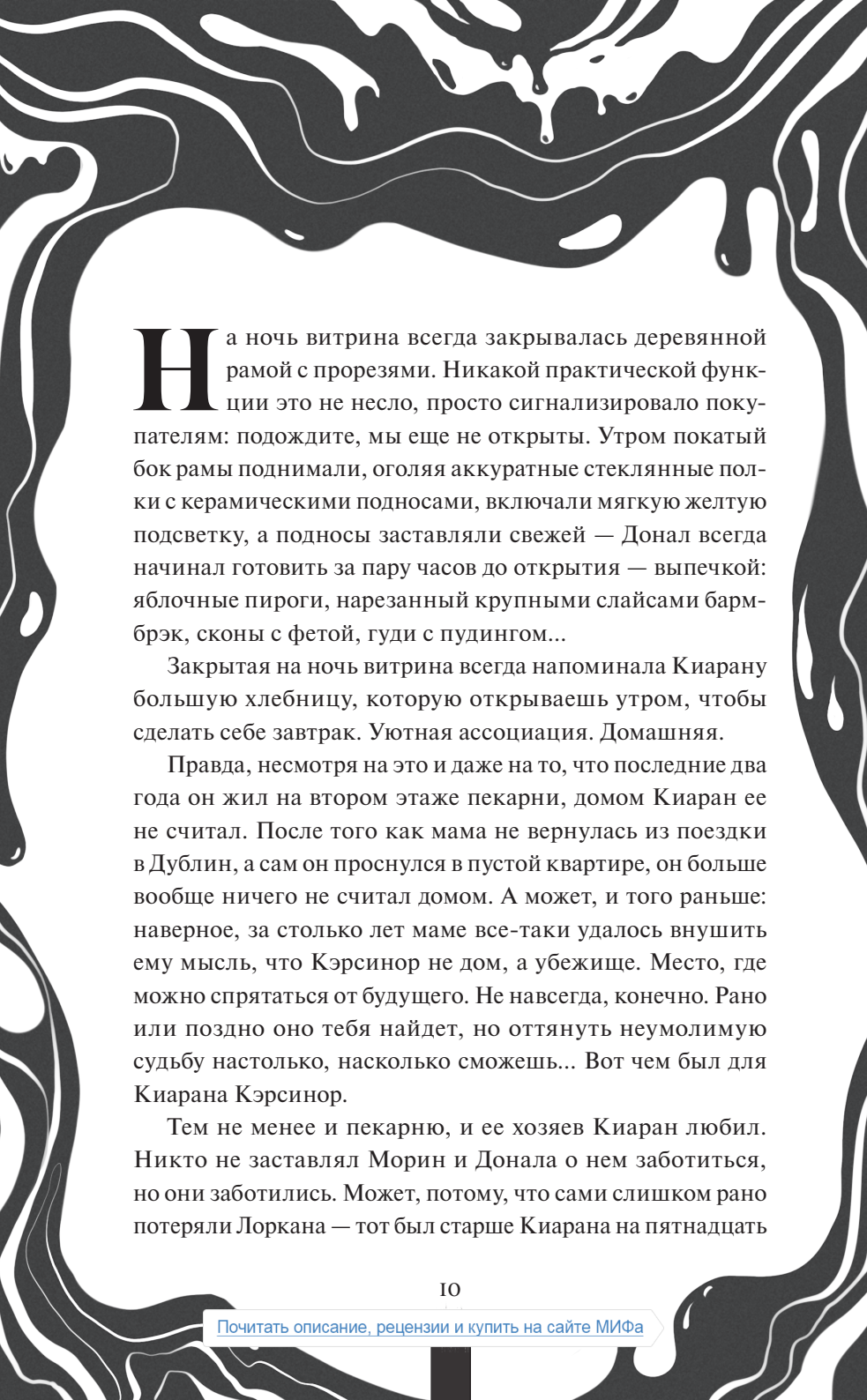

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ ГОРИТ ЯРКО, НО БЫСТРО

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

На ночь витрина всегда закрывалась деревянной рамой с прорезями. Никакой практической функции это не несло, просто сигнализировало покупателям: подождите, мы еще не открыты. Утром покатый бок рамы поднимали, оголяя аккуратные стеклянные полки с керамическими подносами, включали мягкую желтую подсветку, а подносы заставляли свежей — Донал всегда начинал готовить за пару часов до открытия — выпечкой: яблочные пироги, нарезанный крупными слайсами бармбрэк, сконы с фетой, гуди с пудингом...

Закрытая на ночь витрина всегда напоминала Киарану большую хлебницу, которую открываешь утром, чтобы сделать себе завтрак. Уютная ассоциация. Домашняя.

Правда, несмотря на это и даже на то, что последние два года он жил на втором этаже пекарни, домом Киаран ее не считал. После того как мама не вернулась из поездки в Дублин, а сам он проснулся в пустой квартире, он больше вообще ничего не считал домом. А может, и того раньше: наверное, за столько лет маме все-таки удалось внушить ему мысль, что Кэрсинор не дом, а убежище. Место, где можно спрятаться от будущего. Не навсегда, конечно. Рано или поздно оно тебя найдет, но оттянуть неумолимую судьбу настолько, насколько сможешь... Вот чем был для Киарана Кэрсинор.

Тем не менее и пекарню, и ее хозяев Киаран любил. Никто не заставлял Морин и Донала о нем заботиться, но они заботились. Может, потому, что сами слишком рано потеряли Лоркана — тот был старше Киарана на пятнадцать

лет и умер от ишемической болезни сердца в двадцать один, он почти его не помнил, — может, по каким-то другим причинам. Но они всегда с добротой и лаской относились и к матери Киарана, и к нему самому.

Тем утром, спустившись на первый этаж, он натянул куртку — непрогретый после ночи воздух заставлял зябко ежиться даже в свитере — и первым делом открыл витрину-хлебницу. Деревянная рама с уютным шуршащим звуком скользнула в пазухи. Тут же, на стене, Киаран привычно нашарил выключатель. Замигали лампы, и желтый свет полился в темное утреннее помещение магазина.

Зевнув, Киаран принялся за работу. Ежедневные одинаковые утра в пекарне — возможно, не то, как он хотел бы провести всю свою жизнь, но его вполне устраивало. Обзванивая заказчиков, принимая поставки, сравнивая расценки в оптовых интернет-магазинах, ведя учет — занимаясь всем этим изо дня в день, Киаран находил повторяющуюся рутину... безопасной. Здесь, в этих стенах, было его маленькое убежище.

Где-то в семь с улицы пришла Морин, стаскивая с головы капюшон и переворачивая табличку на двери на «Открыто». Киаран промычал что-то вместо приветствия, не отрываясь от чашки с кофе и от компьютера за стойкой, и она скрылась в кухне. Он почти оплатил корзину с новым текстилем — старый уже совсем никуда не годился, — когда Морин снова появилась рядом с ним.

— В городе снова туристы, — она вытерла руки о полотенце и сдула седую прядь с лица, — живут у Рори. Мы с Фанни встретили одного, представляешь, бегал... — Заглянув ему через плечо, она нахмурилась. — Солнышко, подожди, давай за занавесками на выходных съездим в Лимерик...

Киаран не обратил внимания на слова о туристах: иногда кто-то да проезжал мимо, останавливаясь в гостиницах

вдоль семидесятой трассы, — здесь были красивые виды на залив, — но в Киаране новые люди всегда вызывали беспокойство, поэтому он предпочитал безопасное уединение.

Чуть позже в то утро, завязывая фартук, Киаран ничего не чувствовал. Не было ни одного знака, никакого фатального предчувствия. Мама и не говорила, что они должны быть, но Киарану все равно всегда казалось, что будут. Что у него екнет сердце, что, встретившись взглядом издали, он *почувствует*, ну... что-нибудь. Но в то утро, оборачиваясь на зазвеневший колокольчик входной двери, пока шли последние секунды его прошлой жизни, он ничего не подзревал.

Если бы он знал — то, наверное, сбежал бы через заднюю дверь. Ломанулся бы через коридор, пугая Морин, выбежал бы на улицу, схватил свой велосипед, стоящий у скамейки, и что есть мочи закрутил бы педали — крутил бы, крутил, крутил, пока не выехал из города, пока не потерялся бы в холмах, пока не добрался бы до океана и не бросился бы вниз со скал, чтобы избежать все-таки настигшего его будущего.

Вот что бы он сделал, если бы знал.

Но вместо этого Киаран услышал звук колокольчика, обернулся, чтобы поздороваться с первым посетителем дня, и встретился с чужим взглядом.

И вот тогда — тогда оно и случилось.

* * *

Человеческое сердце горит ярко, но быстро.

Самые сильные, самые невероятные, самые потрясающие чувства — только человеческое сердце на них способно. Оно горячее, оно *горит* и своим жаром поддерживает огонь в других.

Других людей — метафорически. Леннан-ши — буквально.

Киаран знать не знал, чем человеческое сердце отличается от его собственного, и так и не получил внятного ответа. Что, его сердце горит меньше? Он меньше чувствует? Он неспособен на сильные эмоции? Это ведь неправда. Это ведь вранье!

Иногда, глядя на себя в зеркало, особенно в подростковом возрасте, он до рези в глазах пытался найти там хоть что-то нечеловеческое. Его там не было — и одновременно вот же оно. Прямо тут. На поверхности. Все говорили, что он *очень красивый* — как же Киаран от этого устал — и еще *замечательный, вежливый, воспитанный мальчик*. Красивый. Замечательный. Вежливый. Хороший. Всем нравится. *А Тришу вы видели? Какая женщина!* Не было в Кэрсиноре ни одного человека, который бы не помогал им. Не было ни одного человека, не симпатизирующего им. Когда мама появлялась в комнате, все взгляды устремлялись к ней. Когда люди видели Киарана, их руки сами к нему тянулись.

В тот момент, когда колокольчик только зазвенел, он знал, что, скорее всего, понравится посетителю — Киаран всем нравился. Поэтому Морин и просила его работать в зале: засмотревшись на него, они никогда не уходили из пекарни с пустыми руками.

А потом в зал зашел этот человек — и все изменилось.

Это место, этот город, *его маленькое убежище* перестало быть безопасным. Все оказалось бесполезным. Вся жизнь, проведенная здесь, скукожилась, смялась, словно ненужная больше бумажка, которую предстояло выкинуть. Прошлое перестало иметь значение.

— Денёчка! Слушай, умираю от голода. Есть у вас что-нибудь для пустого желудка?

А будущее перестало существовать.

Мама говорила, что это большая насмешка жизни: то, что они не могут выжить в одиночку, но и рядом с тем, с кем окажутся связаны, рано или поздно умрут.

«Тебе может не повезти. — Мама убирала волосы с его лба и целовала, а затем прижималась щекой. — Ох, детка. Люди бывают злыми, холодными, некоторые и вовсе не способны на эмоции. Их собственные травмы могут делать их жестокими».

Киаран не хотел никого — ни злого, ни доброго, ни жестокого, ни милосердного. От мысли, что когда-нибудь он встретит человека, от которого будут зависеть его жизнь и смерть, тошнило. От постоянных маминых историй тоже. Он не хотел, чтобы она их рассказывала. Они ругались, она заламывала руки, соглашалась... А потом рассказывала снова. И снова. И снова.

Про то, что леннан-ши — это зеркало нужд и чаяний. Про то, что леннан-ши — это вода для умирающего от жажды, пока он не напьется досыта. Если человеку нужна любовь — ты будешь ею, если он нуждается в музе — ты станешь вдохновением, если он одинок — ты станешь другом, лучшим из всех.

Сидя на полу гостиничной ванной и протягивая дрожащие от боли и отвращения пальцы к лицу, Киаран равнодушно подумал: ну, дружбы у них точно не выйдет.

Пальцы ничего не нащупали. У него не было половины лица.

Это больше ужасало, чем вселяло боль. Больно было в самый первый момент, когда вода, обернувшаяся раскаленным огнем, растворила мир и землю под ногами. Потом стало легче. Киаран знал, что так и должно быть — ему почти никогда не бывало больно. Когда пьяный придурок Майк Феллан сбил его на машине после выпускного, Киаран просто поднялся и отряхнулся. Его раны затягивались за секунды. Кровь тут же сворачивалась, а порезы затягивались.

Даже тогда, сидя в кругу из черт пойми чего, Киаран ощущал, что его тело медленно, но упорно стремится вернуть исходный вид.

— *Если бы не я, ты бы и дальше миловалась с этой тварью. То есть, извиняюсь... с Киараном Блайтом.*

Киаран прикрыл единственный оставшийся глаз. Он не знал, готов ли разрыдаться, или ему все равно — или это человеку за дверью все равно? Все смешалось в тугой комок из чувств.

«Ты не говорила, что будет так, мама, — неожиданно подумал он иступленно. — Ты не говорила, что за такими, как мы, охотятся. Ты не говорила, что таких, как мы, убивают».

— *...Парня объявят в розыск. А нас выставят террористами по национальным новостям...*

Но затем вернулся привычный цинизм, успокаивая мысли в голове и раздрай внутри. Ну, может, так даже проще.

Может, его просто убьют — быстро и безболезненно. И не будет всех этих историй, всего этого медленного угасания, равнодушия, голода, и он не растворится в небытии, когда его окончательно забудут. Просто пуля в лоб. Это ведь тоже вариант, мам?

Истерический смешок лопнул на губах вместе с кровавым пузырем. Хотелось пить и чтобы мама ответила, а вот страшно почему-то не было ни капельки.

С тихим скрипом яркий прямоугольник лег на темную, залитую кровью плитку и ослепил.

Это открылась дверь.

* * *

Так он и пытался думать.

Пытался сказать себе: плевать. Пусть делают с его жизнью что хотят. Они могут застрелить его, могут оставить

в Фогарти-Мэнор связанным, могут просто развернуться и отправиться домой, отпустив на все четыре стороны, — все равно ему умирать, так какая разница?

Он пытался сказать себе все это, а спросил все равно другое:

— Миз Роген планирует меня убить?

Киаран немного презирал себя за этот вопрос. Звучало на самом деле жалко. Будто он готов был торговаться за собственную жизнь и примеривался к расценкам.

Он пытался сказать себе: плевать. Но отчаянная боязнь пустоты, которая последует за выстрелом, желание еще раз проснуться утром, ощущение, что он не прожил то, что могла предложить ему жизнь, — все это подтачивало самоуверенное «плевать» и скапливалось во рту вопросами.

— А ты как думаешь?

Голос у мистера Махелоны был очень низкий, звучный, как у какого-нибудь актера озвучки. Собственное сравнение развеселило Киарана, но это было истерическое веселье — забавно представлять, будто это говорит не человек, который может разmozжить твою голову голыми руками, а только озвучивающий его актер, как в какой-нибудь видеоигре. Будто это все нарисовано, а на самом деле и мистер Махелона, и сам Киаран — герои франшизы от Naughty Dogs. Будто это квест, в котором можно сохраниться у костра, горящего посреди развалин старого поместья.

Будто вся эта история — про охотников, про существ, которых они убивают, про святую воду в лицо и горящие запястья, про путешествие в лес на машине с незнакомыми людьми — ненастоящая. И происходит не с ним.

— Я не думаю, что ей есть резон оставлять меня в живых, — чувствуя себя героем игры, сказал Киаран, словно и не о себе. — Она считает, что вас это погубит. Вы же охотники. Это то, что вы делаете. — Он уставился в огонь,

пытаясь перебороть ощущение сюрреалистичности. — Убиваете нечисть.

Нечисть — это ты. Это ты о себе говоришь. Понимаешь?

Киаран понимал.

— Таких, как я.

— Таких, как ты... — Мистер Махелона прикрыл глаза, будто не хотел видеть его, Киарана, лицо, и хмыкнул: — Ты хочешь меня разжалобить, что ли?

«Тебе может не повезти. Ох, детка... Люди бывают злыми, холодными, некоторые и вовсе не способны на эмоции».

Человек в джинсовке и с закинутыми на лоб солнцезащитными очками. Человек, громогласно говорящий: «Денёчка!» Человек, смотрящий на него добродушными глазами. Человек, смотрящий на него безразличными глазами. Человек, способный раздавить его голову голыми руками.

Человек с низким голосом, звучным, как у актера озвучки.

Человек, которого Киаран ненавидел.

«Тебе может не повезти. Ох, детка...»

— Я не хочу умирать.

Признание вырвалось против воли. Слетело с языка, как секрет, неаккуратно выпущенный наружу. Киаран не успел себя остановить и ненавидел, насколько жалобно это прозвучало. Ненавидел, что так и не смог убедить себя, что ему плевать.

Он стиснул колени, натягивая веревку, — она резала кожу, словно острая леска, но Киаран с удовольствием подался навстречу боли, наказывая себя за сорвавшуюся с языка тайну.

Костер отражался всполохами в глазах мистера Махелоны, делая их почти рыжими, когда он повернулся к нему. Он, наверное, ничего не ощущал — кто его знает, Киаран понятия не имел, как это работает у людей.

Не ощущал и не чувствовал, как молекулы воздуха между ними тяжелели, перегоняя не кислород, но что-то, чего нельзя пока объяснить наукой. Нечто, существующее не в форме атомов, ядер и электронов. Наполненное энергией пространство, для которого нет физических формул и уравнений; пространство, в котором Киаран мог *дышать*.

За которым будут тянуться все следующие дни и ночи в темном лесу, в старом неказистом доме, посреди заснеженной долины — он будет идти как на привязи, потому что *не может не идти*. Потому что с того момента, как зазвенел колокольчик на двери пекарни, у него не осталось выбора: теперь он был связан не полойной веревкой и не пистолетом у виска.

Этого еще не случилось, но Киаран знал, что в будущем, которое ему уготовано, будет именно так. И это — это он тоже ненавидел.

Человека перед собой — он ненавидел.

— У нас есть две мысли насчет тебя, — обыденно сообщил мистер Махелона, словно и не чужую смерть сейчас обсуждал. Киарану хотелось, чтобы он заткнулся, но Киарану нужно было, чтобы он продолжал говорить. Он сам сюда подошел. Сам спросил. — Какую хочешь услышать первой?

— Не думаю, что среди них есть хорошие для меня, — честно ответил Киаран, чувствуя себя так, словно сосуды в голове перегоняли не кровь, а густую концентрированную злость, — так что можете начать с любой.

— Ну, Джемма позволила тебе ехать с нами по одной простой причине. Если ты имеешь какое-то отношение к происходящему...

Да что за идиотизм. Призраки, амулеты, сны, голоса в голове. Они тут все — поехавшие!

— Я говорил, я не...

— ...то гораздо проще тебе позволить самому нас вывести к эпицентру того, что здесь происходит, чем блуждать в здешнем тумане, — мистер Махелона не дал себя сбить. Что-то подсказывало Киарану, что, когда этот человек хотел договорить, он договаривал, даже ценой твоей жизни. — Заманивая нас в западню, рано или поздно ты нас к ней приведешь. А там уж, — он пожал плечами, — там уж мы разберемся.

Киаран никогда не проявлял эмоций ярко — Морин говорила, что он вырос очень интровертным. Киаран же считал, что те эмоции, которые у него есть, довольно просто держать в руках. В основном. Но если вдруг они вырывались наружу, то всегда быстро, нахлестом, словно волна. И, чувствуя, как эта горячая волна несет его, Киаран не мог ей противостоять.

— Это все играет против меня, верно? Я не имею возможности вам что-то доказать. Вы схватили меня, пытали меня, увезли из дома сюда, непонятно зачем и непонятно с какими...

— Не играй со мной.

Но волны всегда разбиваются о скалы. Скалы — они недвижимые, мощные. Неумолимые.

— Это ты выбрал меня, — сказал мистер Махелона. — И это ты, — он указал пальцем ему в грудь, — сейчас играешь против меня. Всегда есть вариант, что пока ты разговариваешь со мной, то пытаешься воздействовать на меня с помощью своей магии. Всегда есть вариант, что с каждым твоим словом, с каждым твоим взглядом на меня, с каждым моим взглядом на тебя я обрекаю себя на смерть.

Ты обрекаешь на смерть *себя*? Это было так смешно и одновременно приводило Киарана в *такую* ярость, что, будь у него храбрость, он... может, ударил бы его. Сбросил бы с этой лестницы и заслужил бы выстрел. Или, если бы умел, засмеялся ему в лицо злым, ненавидящим

смехом. Но у Киарана не было ни того ни другого, и он просто попытался возразить:

— Леннан-ши не так...

Но скалы недвижимы и неумолимы. Мистер Махелона не дал ему даже этого.

— Не так устроены, я в курсе. Ты рассказывал. Но ты же не ждешь, что я поверю.

Не поверишь. Не поверишь, не проникнешься, не дашь Киарану ни капли воздуха, оставишь его хвататься за горло и умирать от удушья — вот что ты сделаешь. Даже если сказать тебе: знаешь, ты можешь убить меня прямо сейчас! И тебе ничего не будет! Не надо переживать! Ха-ха. *Ты не поверишь.*

Рано или поздно ты убьешь меня — но злодей здесь все равно я.

— Всегда остается вариант, что я от скуки убил двоих людей и планирую убить еще четверых, — рвано выдал Киаран, пытаясь успокоить едкие голоса внутри. — Всегда есть вариант, что у меня холодильник забит американцами.

— О, мрачное чувство юмора, — хмыкнул мистер Махелона. — Но это к Джемме. Она от такого тащится.

— А еще она любит обливать людей святой водой, — отрезал Киаран.

Мистер Махелона поправил его:

— Ты не человек, Киаран.

Что, его сердце горит меньше? Он меньше чувствует? Он неспособен на сильные эмоции? Это ведь неправда. Это ведь вранье!

Этот человек, человек, которого Киаран ненавидел, говорил с такой уверенностью, будто у него были все ответы. Ответы на те вопросы, которые Киаран задавал себе с самого детства.

Только ответы его — неутешительные, жестокие, от которых никогда не станет легче.

* * *

У Киарана всегда был рациональный взгляд на вещи.

Он не был суеверным и не верил в призраков. Собственное существование всегда занимало его скорее с биологической точки зрения, чем с эзотерической. Несмотря на то что он сам не был человеком, мир казался ему довольно простым и ясным.

Оказалось, что он заблуждался.

Оказалось, что мир вокруг полон монстров с разными лицами — с такими, как у него и мистера Доу, с такими, как у существ Самайна, с такими, как из рассказов охотников. Оказалось, что в мире существуют законы и правила, которые не укладываются в его знания о пяти фундаментальных взаимодействиях, законах Ньютона и эволюционной биологии. Оказалось, мир стоит того, чтобы его бояться.

Там, в лесу, лежа под деревом, он чувствовал, как страх пузырится под кожей, сводя с ума. Воздух вокруг звенел, и кто-то пожирал его жизнь, словно черпал из его груди ложкой с острыми краями и заставлял вздрагивать от накапывающей боли.

«Вот и все, — думал Киаран, не в силах рассмотреть больше ни снега, ни деревьев, ни места, куда упал. — Вот так все и закончится. Мама была права».

А потом он упал в темноту.

* * *

Мир стоил того, чтобы его бояться, но даже после того, как тот чуть его не убил, Киаран все равно боялся не его.

Эти люди рядом с ним, не относившиеся к нему как к человеку и напоминавшие ему об этом каждый раз, стоило забыться, — люди, которые, как он верил, рано

или поздно его убьют, — сами они оказались кошмарно человеческими. Поначалу Киаран пытался быть героем игры или фильма — отключиться от происходящего, словно все это заранее спланированный сценарий, в котором он злодеек у злодеев. Но злодеи не вели себя, как мистер Эшли, и не вели себя даже так, как раздражающая, вспыльчивая, назойливая миз Роген.

Они вели себя так, что иногда Киаран и сам был готов поверить: это он, действительно он тут злодеек, которому нельзя верить, даже если очень хочется. Словно он и вправду покусился на жизнь их друга, и теперь у них нет другого выбора, кроме как тащить его за собой и держать на привязи.

Это неправда, зло думал он ночью, уложенный в чужой спальный мешок, накормленный чужой едой, с чужими носками на ногах.

Это правда, думал он, наблюдая, как миз Роген и мистер Махелона разговаривают, склонив головы, на крыльце.

Это неправда — я ни на кого не покушался. *Это правда* — я чудовище, которое питается их другом.

— Ты в порядке? — участливо спросил мистер Эшли, присаживаясь рядом с ним на кровать.

Я не в порядке, думал Киаран. Вы меня ломаете. Вы все, это место, ваша работа, ваше отношение к таким, как я. То, что такие, как я, существуют. Вещи, о которых я никогда раньше не задумывался. То, что мы питаемся вами. То, что мы должны питаться вами, чтобы выжить. То, что вы должны убивать нас, чтобы выжить самим.

Я не собираюсь добровольно становиться твоей жертвой. И тебе не советую.

Я не хочу быть жертвой. Но и чудовищем я тоже быть не хочу.

И кем мне тогда быть?

— Я в порядке, — ответил он.

Сердце мистера Махелоны — твердый и холодный камень, вот как казалось Киарану. Оно не пускало тех, кто туда ломится, и даже магическим силам леннан-ши — мама всегда говорила, что они *волшебные*, а не *магические*, но его мама была романтической натурой — не под силу было его открыть.

Мириться с этим становилось все сложнее ввиду совсем немагических причин.

Киаран в жизни не встречал таких, как он.

Люди, которые окружали Киарана всю его жизнь, были... *обычными*. Понятными и предсказуемыми.

Мистер Махелона напоминал кого угодно, но не обычного, простого и понятного человека. Он был как... как супергерой. Когда вокруг происходило что-то страшное, всегда появлялся он — и страх заканчивался.

Мистер Махелона всегда знал, что нужно делать. Он был уверенным и спокойным, будто все, что происходит вокруг, ему известно и находится под его контролем. Он не бросался вперед, отдавая это на откуп миз Роген, но всегда был здесь, всегда рядом, чтобы ничего не пошло наперекосяк.

Мистер Махелона ничего не боялся. Даже в месте, где воздух пропитался страхом, где каждый дергался и срывался, где страшно закрыть глаза, потому что не знаешь, что произойдет, когда снова их откроешь. Даже с чудовищем на привязи, которое питалось им. Даже с напарницей, которая сходила с ума, с ученым, который нуждался в защите, с товарищем, который, ну, просто невыносим, — посреди всего этого мистер Махелона оставался недвижимым якорем здравомыслия.

Он был прямолинейным и честным. Он никогда не врал. Он мог пройти километры и не устать, мог тащить на себе человека, словно тот ничего не весит, мог оказаться при смерти и остаться невозмутимым. Наверное, в обычной

жизни его дружба была привилегией. Киаран с трудом представлял мир, из которого они приехали, но мог ясно увидеть, сколько людей хотели бы оказаться под крылом такого человека.

Киаран бы... Черт возьми, Киаран бы тоже хотел.

Это превратилось в такую злую и нелепую насмешку судьбы, это было так несправедливо, что иногда Киарану казалось, будто Глеада все-таки его сломала: он тянулся к человеку, тягу к которому хотел ненавидеть. Он завидовал, что не может позволить себе его защиту и широкую улыбку. Он, единственный, кто с ним связан, не мог стать тем, кому все это позволено.

«Все ясно, — думал Киаран. — У меня стокгольмский синдром. Ха-ха».

* * *

Когда мистер Махелона нашел его там, посреди темноты и ужаса, испуганного, полумертвого от страха, Киаран знал, что это он.

Это всегда был он. Он приходил — и страх заканчивался.

Киаран сидел в доме, где больше не было ни славного, хорошего мистера Эшли, который по-настоящему ему нравился, ни дурацкой миз Роген, надоедливой и едкой, но почти привычной. Он оглядывался, ощущая, как трясется от страха, и никого из них не находил.

Самайн утащил их. Уволок в темноту, как уволочет каждого, если его не остановить. Киаран впервые подумал над этим, подбирая с пола дневник мистера Эшли. Остановить Самайна — иначе всех уволочут в темноту. Мысль, которая укоренилась в нем накрепко, как собственная.

Когда мистер Махелона отказался ему верить, Киаран взорвался. Злился — так сильно, что кричал, чего обычно никогда не делал. Он хотел схватить мистера Махелону

за плечи и встряхнуть, хотя знал, что у него никогда не выйдет. Посмотрите на меня, хотелось крикнуть ему в лицо. Посмотрите! Я хочу помочь! Иначе всех нас! Уволокут! В темноту!

И то, что заменяло Киарану воздух — *нечто, существующее не в форме атомов, ядер и электронов; пространство, для которого нет физических формул и уравнений; пространство, в котором Киаран мог дышать*, — бурлило от переполненных энергией частиц, когда мистер Махелона смотрел на него в ответ.

Волна, состоявшая из чистой, незамутненной энергии, ворвалась в тело, когда мистер Махелона сказал:

— Я обещаю тебе, что мы с этим разберемся.

То, что создавало поток невидимых частиц, которые связывали их, когда мистер Махелона сказал:

— Тогда пообещай мне, что ты сделаешь все, чтобы выжить.

То, что попало в его кровь, соединяясь с молекулами кислорода в *волшебную* цепочку элементов. Насыщало эритроциты и лейкоциты, заполняло изнутри мышцы, органы, ткани, сосуды и вены, добралось до сердца и вновь запустило его.

И когда насыщенная частицами кровь заставила диафрагму сократиться и вновь расшириться, Киаран сделал первый вдох.

А затем открыл глаза.

* * *

Она открыла глаза.

Сначала не было ничего. Ни света, ни запахов, ни звуков.

Затем появились углы под спиной, влажность воздуха. Волосы на лбу слиплись от пота, виски пульсировали в такт с сердцем. В руке что-то было сжато. Зажигалка, тут же поняла Джемма.

Она так и заснула: сидя, сжав почти севшую зажигалку. Кулак был стиснут, словно кто-то мог в любой момент попытаться ее отнять. Джемма щелкнула на пробу — и посреди космического непроницаемого вакуума в глаза ударил свет. Заслонившись ладонью, Джемма проморгалась, а затем повела рукой вокруг.

Все то же место. Все та же пещера.

Она повернула голову. Винсент лежал в метре, свернувшись на боку, спиной к ней. Плечи его чуть двигались от дыхания. Поднимались и опускались медленно, равномерно. Спал.

Джемма посидела еще немного, прислушиваясь к собственному телу. От неудобной позы оно возмущенно гудело, ни одна мышца не хотела подчиняться. Но мысли уже работали — и они были злыми, острыми.

Так не должно быть.

Они не должны были снова оказаться здесь.

Окончательно разбуженная собственной злостью, она аккуратно, почти беззвучно приподнялась, опершись сначала на руки, потом на колени, и встала. Ноги занемели, и, когда она распрямилась, ее шатнуло вперед, камни раскатились по полу. Винсент шевельнулся во сне, но так и не проснулся. Сколько они бродили по этим тоннелям, прежде чем выбиться из сил? Сколько раз возвращались сюда? Джемма потеряла счет.

Вытянув руку с зажигалкой, она сделала несколько шагов от спящего Винсента, чтобы размять ноги. Будить его не хотелось: это означало разговоры, а ей нужно было подумать. Нужно было иметь какой-то план, когда он проснется. Чтобы посмотреть ему в глаза и пообещать, что она *сможет* вытащить их отсюда.

Взгляд сам упал на еле виднеющийся в тених провал — и Джемма, осторожно переступая через кучи камней, медленно пошла к нему.

Встав на самый край — мыски черно-серых подранных кроссовок уперлись в неровную полосу борта, — она отпустила колесико зажигалки. Мир вокруг снова погрузился в темноту.

«Очаг, — подумала она. — Это место *должно быть* очагом».

Она попыталась думать, как Норман или Доу — кто-то, кто мыслит не физикой движений, скоростью, ловкостью или силой; не рефлексам и чутьем. За это время она хорошо их изучила. Теперь их голоса — дружелюбный и едкий — звучали в ее голове, насыщенные и живые, как настоящие. Будто они могли прямо сейчас стоять за ее спиной, пререкаясь о терминах, значениях, способах и результатах.

Закрыв глаза, Джемма заставила себя прислушаться к ним.

Очаг возникает, когда в локализованном пространстве происходит нечто, настолько сильно искажающее энергетическое поле, что эти деформации начинают влиять на физическую реальность. К краям зоны резонанса искажения ослабевают, но в центре их уровень настолько высок, что...

...что способен создать иллюзию ходьбы по кругу.

И тогда единственный способ выровнять деформации — это уничтожить источник искажений.

И этот источник — здесь. В этой пещере.

Даже если команда ничего не обнаружила, даже если сама Джемма не видела тут ничего, кроме камней. Нечто настолько мощное, что способно исказить пространство и само время, похоронено где-то рядом; нужно только его найти.

Она ведь не была одержима — но все-таки что-то подняло ее ночью и заставило прийти сюда. Во сне.

Единственным человеком, с которым были связаны ее сны, оставался Купер.

«Если здесь ничего нет, почему ты привел меня сюда?» — спросила она, почти ожидая, что услышит ответ. Но, конечно, никто ей не ответил.

Я спала, и в моих снах были мои кошмары.

Джемма начала медленно поворачиваться вокруг своей оси.

Ты спал, и в твоих снах были твои кошмары — но еще там были равнина, и дыра в земле, и статуи со знакомыми лицами.

Из темноты раздался встревоженный голос.

— Джемма?.. — сипло спросил Винсент, и она распахнула глаза.

— Я тут, — тут же, не успев он закончить, отреагировала Джемма и шелкнула зажигалкой, чтобы он нашел ее глазами. — Всё в порядке. Я тут.

Тотчас к ней вернулась мысль — одна из тех, которые были под запретом, проклятая, ненавистная мысль, — о том, что, возможно, проснувшись на больничной койке и увидев над собой размытую фигуру, он точно так же спросил: «Джемма?»

«Всё в порядке. Я тут».

Ничего из этого он не слышал.

Зато теперь, когда она слышала эти слова от себя, — слишком поздно, слишком не к месту — в груди потяжелело. Что толку говорить «я тут», если ты ушла, когда это было нужно? Это уже ничего не меняет.

И кому она это сейчас говорит — ему или себе?

Впрочем, Винсент зевнул, видимо не обратив внимания на подтекст. И Джемма направилась к нему, стараясь не споткнуться о камни.

— Как отдохнул? — Она толкнула его лодыжкой в колено. — Готов идти дальше?

— Мне нужно несколько минут. — Винсент протер лицо руками. — Не беги, ладно? Пожалей агента ниже рангом...

Джемма хмыкнула.

— Правда, — вздохнул Винсент, — дай мне немного времени...

Он всегда так делал. Когда Винсент думал, что Джемме нужно отдохнуть, но понимал, что она отмахнется, — он просил отдых для себя, зная, что ему она не откажет. Это был их язык, который, как она себя заставляла думать, она забыла. Ни черта она не забыла — и слишком устала, чтобы притворяться.

— Даже не думай, что я тебя не раскусила, — сказала Джемма, глядя на него сверху вниз.

В свете зажигалки почти ничего не было видно, но она не сомневалась, что Винсент скрыл улыбку, когда сказал:

— Ладно-ладно.

Она опустила рядом с ним на пол, у стены, и погасила зажигалку, чтобы не тратить последние остатки газа. Стоило темноте вернуться, как вместе с ней вернулась и тревога: сколько им еще бродить в полном мраке? Они должны выбраться. Спираль не может быть закольцована, ведь и она сама, и Винсент как-то сюда попали. Значит, выход есть, и Джемме необходимо его найти, пока у них не кончились вода и припасы.

— Ты беспокоишься, — раздался голос Винсента по правую руку.

Джемма не стала ни подтверждать, ни опровергать. Она уронила затылок на каменную стену и спросила:

— И как же ты это понял?

— Серdito дышишь. Всегда, когда встревожена. — Джемма никогда не замечала этого в себе. — Думаешь о том, что выхода может и не быть?

У него был спокойный голос. Слишком спокойный для кого-то, кто застрял в магическом пространстве, в котором мог в теории умереть, — и Джемме захотелось его ударить. «Этого не случится, — успокоила она сама себя. — Самайн его не получит».

И мысли снова вернулись к Самайну.

— Может быть, он нас дурит, — пробормотала она. — Как с деревней. Может, мы видим то, чего не существует, например стены или проходы...

— Предполагаешь, это иллюзия?

Это бы сделало все... проще. Иллюзии — это проблемно, но неопасно, даже если они кажутся невероятно реальными, как Мойра, шахтеры или дом, в котором ты жил неделями.

— Одно я знаю точно, — сказала Джемма, — обманывая нас, Самайн способен на вещи, которые трудно представить.

Винсент молчал дольше, чем она ожидала. Она не видела его лица, но чувствовала, как он думает, — наверное, так же, как Винсент чувствовал ее беспокойство.

Наконец он пробормотал:

— Не знаю, Джемма...

— Что?

— У меня нет ощущения, что мы ходим по кругу. Я имею в виду...

Джемма знала, что он имеет в виду.

— Что, если это иллюзия наоборот? — спросил он. — Нам только кажется, что мы ходим по одному и тому же месту, — а на самом деле идем куда-то?

Это предположение Джемме совсем не понравилось.

Можно было смириться с темнотой; можно было смириться с иллюзией, что здесь нет выхода, — и раз за разом проходить мимо него. Но то, о чем говорил Винсент, — это совсем другой уровень неизвестности. Другой уровень угрозы.

У Джеммы по шее побежали мурашки.

Ведь если им только кажется, что они все время сюда возвращаются, а на самом деле они уходят все дальше и дальше...

Куда в таком случае они идут?

Киаран открыл глаза.

Черные ветки плыли перед ним знакомыми силуэтами, расфокусированными и далекими. Больше ничего не существовало; все остальное исчезло и еще не вернулось из темноты. Вместо мыслей в ушах звенел вакуум.

Звон складывался в какие-то слова, и Киаран был уверен, что рядом кто-то есть — наверное, мистер Махелона, — но сил расслышать его голос пока не хватало. Слова повторялись, и в тонком дребезжании Киаран пытался разобрать хоть что-то...

Что вы говорите? Пожалуйста, помогите мне, я не понимаю...

Звон заволновался, закачался, словно волна, превращаясь в знакомый ритм, образующий слоги и слова.

Марвола'эди'р'Гдау!

Это был не мистер Махелона.

Марвола'эди'р'Гдау!

Призыв звенел и звенел, раскаляясь в ушах, и Киаран задыхался, потому что голова от него горела, а горло пульсировало, не пропуская вдохи. Боль смешивалась с песней — *Марвола'эди'р'Гдау!* — а потом и с другими звуками, появившимися во Вселенной: хрустом, бульканьем, влажным звуком скольжения.

Узнавание продрало кожу, обхватило позвоночник, заморозило разгоравшиеся импульсы мыслей.

Киаран еще не существовал, но страх ворвался раньше, чем сформировалось сознание. А вместе со страхом пришло оно. Появилось над ним, черное, и бурое, и ледяное, извивающееся нутром, с пастью, в которой что-то шевелилось.

На длинную ужасную секунду Киарану показалось, что оно сейчас увидит его, — но тут кровь со лба горячей

струей потекла на ресницы, и мир стал красным. Киаран не мог дышать.

Страх сжирал пугающий мир, оставляя угасающий звон в ушах — *Марвола'эди'р'Гдау!* Под веками волновались тени — *Марвола'эди'р'Гдау!* — тысячи теней, из которых вынырнуло лицо мальчика. Его глаза были полны черноты, которая то пропадала, то появлялась снова, словно следуя за ритмом, с которым кровь шумела в ушах Киарана. Мальчик покорно шел вперед, но каждый раз замирал, стоило черноте появиться. Его ждал нож, до которого он так и не дойдет: потому что, когда его глаза станут черными в последний раз, от мальчика больше ничего не останется.

Киаран не помнил, когда вдруг осознал, что уже долгое, долгое время ничего не слышит. Внутри все еще была пустота — очень знакомая, будто он такое уже испытывал. Жизнь медленно и натужно возвращалась в окоченевшие конечности. Вместе с собой она несла боль, горячую и лихорадочную, особенно в груди и горле. Когда жжение стало нестерпимым, Киаран открыл глаза.

Лицо мальчика с черными глазами медленно растворилось среди ветвей.

Вдохи *стали* получаться глубже, но каждый выдох был болезненным. Хотелось остаться на земле и заплакать, как маленькому, но внутрь пробирался холод. Киаран начал ощущать, как мороз впитается в руки и спину, щиплет мокрое лицо. Нужно было двигаться.

Подняться не получилось. После нескольких попыток Киаран кое-как зацепился за оказавшийся рядом корень и через силу подтянул себя вверх. Чтобы сесть, у него ушла целая вечность. Вокруг дыбился лес, размытый и расфокусированный, а оттого опасный и страшный. Тело не слушалось, будто одеревенело. Суставы не сгибались, руки отказывались двигаться под нужным углом. Ощущение *жизни* превратилось в мучительную пытку.

Киаран дотронулся до горящего горла и почувствовал, как слезы испуга все-таки собираются где-то под переносицей. Дрожащие пальцы трогали что-то мягкое, рыхлое, а от каждого прикосновения дергало и разрывало. Бездумно опустив голову, он устался на свою руку. Пальцы были красными.

— Кто... — одними губами беззвучно попросил он, — кто-нибудь...

Но рядом никого не было.

* * *

Они старались использовать свет только по необходимости, если находили резкий спуск, подъем или ответвление, — а в остальное время двигались на ощупь. После долгих часов в темноте Джемма будто обрела чутье: она точно знала, где находится Винсент; зрение ей было не нужно. Его дыхание, его движения, его голос — Джемма могла в любой момент схватить его за руку и не промахнуться.

— Там не только ЭГИС, — сказал Винсент из темноты позади нее, когда Джемма спросила его про состав спасательной группы. — Еще ирландская группа. И я, если честно, не пойму, что хуже. Ты знала, что у них мало людей? Сюда отправились их *директор*.

Нашаривая ногой пространство для следующего шага, Джемма выскребла из закоулков памяти сухой голос сквозь потрескивающие телефонные помехи — и фамилию.

— Дудж?

— И ее лучшие агенты. И их всего шесть. Шесть!

Вспомнилось, как Дудж упрекнула Джемму в том, что она мыслит мерками большой страны. *Шестеро*. Только в оперативной группе ЭГИС было более пятнадцати агентов...

— Из наших к группе прикомандировали Ронни и...

— Ронни? — Джемма дернула головой в сторону, где должен был идти Винсент. — Да черт возьми! А у ЭГИС-то что, не нашлось своего гоэтика?

Да, Ронни Райс — лучший гоэтик в Западном офисе, но еще он ее друг, и Джемму корежило от мысли, что здесь снова оказался человек, которого не должно тут быть.

Чем больше знакомых имен оказывалось в проклятой Глеаде — тем сильнее тревога стискивала грудь.

Хватит.

Хватит пожирать моих друзей.

— Доу будет в восторге... — пробормотала Джемма, на ощупь взбираясь по камням. — Наконец-то... у него появится... кому сосать в уши... про свои лестницы...

Хорошо, что с ней внизу оказался заперт не Доу — иначе через пару тысяч лет космические неопалеонтологи нашли бы здесь два сцепившихся скелета.

— Лестницы?

Вот бы этот недоумок оказался жив. Для начала.

— Потом, — отмахнулась Джемма. В своем рассказе о происходящем вокруг дерьме она вполне осознанно опустила огромную главу истории под названием «Всем миром считали, что Джемма одержима». — Все, что тебе надо знать: две недели жизни с Доу в одной комнате — это слишком большая травма для моей душевной организации. Если Айку еще когда-нибудь взбредет в голову прекрасная идея посадить нас за одну парту...

— Все было настолько плохо?

Джемма вздохнула:

— И да... И нет.

Это сложно объяснить кому-то, кого там не было — в этом доме, в этой деревне, в этом лесу. Все эти мучительно тянущиеся дни. Джемма могла ерничать сколько угодно, но, оглядываясь, она почему-то была благодарна, что в этом сумасшедшем месте с ней оказался именно этот упрямый,

несговорчивый и *надежный* осел. Агенты бывают разные. Не все умеют выдерживать стрессовые ситуации — и, наконец, у Доу это в итоге вышло куда лучше, чем у нее самой.

— Я догадался, что что-то все-таки произошло.

— В смысле? — не поняла Джемма.

И затем бумеранг к ней вернулся:

— Ты назвала Доу Сайласом.

О нет.

— Заткнись, а.

Она хлопнула его по бедру, но Винсент продолжал веселиться:

— Так и сказала. *Сайлас*.

Джемма еще раз его ударила, но теперь Винсент каким-то образом поймал ее руку в темноте. Ладонь у него была ужасно холодной, но он держал ее крепко и уверенно.

— Мне всегда казалось, — сказал он, и отголосок шутки еще ощущался в его тоне, но там, под ней, внезапно обнаружилась серьезность, — что вам стоило бы подружиться. Знаешь. Вы даже похожи.

Джемма проигнорировала это вопиющее оскорбление.

— Я просто говорю... что тебе не помешало бы...

Винсент замолк, и в темноте Джемма *чувствовала*, как он пытается что-то от нее утаить. И когда он закончил фразу, она знала, что это не то, что он на самом деле хотел сказать.

— Тебе стоит больше доверять себя людям, Джемс.

«О каких еще людях ты просишь, если я даже тебе не могу себя доверить?»

Это тоже осталось невысказанным. Джемма проглотила эти слова, вместо них выдавливая из себя насмешливое:

— И из всех кандидатов на свидание со мной ты выбрал *Сайласа Доу*?

Винсент засмеялся. Джемма потянула его за руку дальше:

— Двигай.

Она должна была отстраниться. Ей не следовало... Ей вообще не следовало давать ему взять себя за руку, но, когда это произошло, Джемма не нашла в себе сил его отпустить.

— Не хочу никаких свиданий, — дрогнувшим голосом сказала она. И этого ей тоже не следовало делать. — Просто... не хочу. Ясно?

Винсент ничего не ответил. Просто сжал ее ладонь, и Джемме в очередной раз захотелось заскулить, как побитой собаке.

Далеко они не прошли — спустя пару поворотов в лицо начал дуть сквозняк. Джемма чертыхнулась.

Каждый раз это означало одно и то же.

Они снова вернулись.

— Может быть, — судя по голосу, Винсент пытался приободрить их обоих, — мы все-таки взяли неправильное напра...

Фонарик, висящий на бедре у Джеммы, замигал.

* * *

Тело делало то же, что и всегда: стремилось вернуться к исходной форме. Киаран провел бесконечность, вцепившись в острую кору дерева, и все вокруг было неподвижным — только внутри него кипела жизнь. Она сращивала ткани, воспроизводила новые клетки, заставляла сердце натужно стучать и гнать кровь по венам. Мысли возвращались, постепенно заполняя голову и передвигаясь электричеством по нейронным связям.

Вокруг было тихо: сплошь привычные черные стволы, широкие и необъятные. Откинув голову на корень, Киаран старался просто дышать через боль, и в голове крутилась единственная мысль: он, выросший рядом с национальным парком, в жизни не видел таких старых деревьев.

Он плохо помнил, как здесь оказался. Мистера Купера — да, его недовольное лицо было относительно четким. И видение... видение, в котором он оказался. Что-то наподобие галлюцинации наяву. Песня, мальчик, его отец... Потом его выдернуло оттуда, как будто изнутри кто-то дернул крюком... А затем... затем...

Киаран инстинктивно снова дотронулся до горла, которое заживало слишком быстро для того, что с ним случилось. В произошедшее верилось с трудом: рассудок словно отторгал воспоминания, потому что если все это произошло на самом деле, то он должен был...

«Подумаешь об этом потом», — приказал он себе, собрав все силы. Сначала — выживание, хотя бы это ему втолковали. Найти мистера Махелону. Мистера Купера. Возможно, они думают, что Киаран мертв, и если двинутся куда-то с поляны, то он может их не найти...

Но где поляна?

Взгляд дернулся к веткам, корням и кустам. Да, они стали старше и толще, но оставались всё такими же одинаковыми. Киаран знал базовые правила для потерявшихся в лесу, конечно, знал: разведите костер, попробуйте залезть на дерево, оставайтесь на месте, ориентируйтесь по солнцу... Но ничего из этого ему сейчас не поможет. Костер разжечь нечем, на дерево не забраться, солнца тут больше нет...

Киаран остался один. И никто его больше никогда не найдет. А когда опустится ночь — все снова повторится, как в тот раз.

Дыхание опять сдавило в груди под тяжелым прессом из паники и отчаяния.

«Дыши. Дыши! Думай. Нужно выжить. Сосредоточься».

Решив попробовать сдвинуться с места, Киаран попытался подняться. С первого раза не вышло: тело будто забыло, что кто-то им должен управлять, и отказывалось

подчиняться. После нескольких попыток у него с трудом получилось поставить себя на ноги, но только опершись на ствол дерева. Голова кружилась так сильно, что его замутило. Лес вокруг так и норовил превратиться в черно-белую карусель.

«Идти. Нужно идти. Нужно отыскать отсюда выход. Нужно найти мистера Махелону».

Образ мистера Махелоны появился как маяк на скале во время шторма. Объемный, реалистичный — широкое лицо, прямой взгляд, громкий голос. Казалось, он даже замедлил круговерть, и лесу неохотно пришлось успокоиться, перестать кружиться. Словно реальность сдавалась даже перед иллюзорным мистером Махелоной.

С трудом подняв одну руку к лицу, Киаран вытер продолжающую течь кровь. Второй он вцепился в дерево и теперь прижимался к нему лбом, пытаясь удержать образ перед глазами. Он спрашивал его: «А если я пойду, но не туда? И буду отдаляться, вместо того чтобы идти к вам? Это лес, здесь невозможно выбрать верное направление, если не умеешь ориентироваться. Что мне делать?»

Мистер Махелона, конечно же, не ответил, но Киаран не мог сдать так легко — он ведь обещал. Глупо было держаться за эту мысль сейчас, когда горло разорвано, тело не слушается и все, на что хватает сил, — это удерживать себя в вертикальном состоянии, а желудок — внутри. Но Киаран пытался. Не мог не пытаться.

Он сосредоточился на дыхании и дышал, дышал — дышал долго, пока вместе с воздухом не ушли желание плакать, отчаяние и страх. И не только они: даже боль словно вытекала из легких и растворялась в воздухе белым паром.

Прошло много времени. Киаран его не считал, просто позволил себе стоять закрыв глаза и, может, даже заснул стоя — потому что сначала ему показалось, что голоса ему

снова снятся. Но на этот раз они не пели, не просили и не требовали, а просто... разговаривали.

— ...Может быть, ты права. В любом случае оставляй их вертикально, — говорил один женский голос.

Ей отвечал другой:

— Я не первый раз в лесу, Орла. Я ставлю их *достаточно* вертикально.

Киаран сбился в середине выдоха. Он понял что-то неожиданно дикое: *у женщин был сильный ирландский акцент.*

Он вжался в дерево. Этого не могло быть. Откуда тут взяться людям, когда они столько времени провели сами по себе! Это обман. Он здесь один, и на сей раз Самайн залез к нему в голову, и это видение, или снова галлюцинация, или...

— Нам нужно держаться восточнее, — сказал мужской голос по-английски. У него тоже был акцент, но не ирландский. Уже знакомый, растянутый, словно жуют карамель или разговаривают с расслабленным ртом...

Акцент мистера Махелоны и миз Роген, мистера Эшли и мистера Доу...

Американец.

Киаран их не видел — они были где-то за деревьями, — но голоса слышал близко, а еще — хруст веток и даже шум одежды при ходьбе. Они где-то совсем рядом! Но кто? Кто они такие?

— Посмотрите туда. Там бурелом, не пройти. Черт, этот лес меня доконает. — Женский голос пробормотал что-то себе под нос, и Киаран с замиранием сердца узнал ирландское ругательство. — Мы должны были узнать об этом месте раньше. Как можно было пропустить аномалию таких размеров у себя под носом...

— Орла.

— Что? Смотри не на меня, а в оба. Мало ли какая дрянь тут водится.

И в этот момент стало очевидно, кто перед ним. Простые фразы, которые не услышишь от случайных людей.

Это были охотники.

Каковы шансы, что они настоящие? Каковы шансы, что это не проделки Самайна? Каковы шансы, что они не убьют его, стоит только показаться им на глаза? *Каковы шансы?*

Парализованный страхом выбора, Киаран слышал, как люди проходят поодаль — между ними бурелом и буквально несколько деревьев. Еще пара мгновений, и голоса начнут отдаляться.

Они могли его убить. Они могли его спасти.

И потом до него наконец дошло: *они могут помочь ему спасти остальных.*

Он отлепился от ствола и пошел на негнущихся ногах. Головокружение снова дало о себе знать: земля так и норювила поменяться местами с небом, а твердь под ногами оказалась качающейся в шторм палубой. Киаран старался держаться курса: выбрал ближайший дуб и оттолкнулся к нему. «Иди, — сказал он себе. — Давай».

На самом деле усилий требовалось куда меньше, чем он думал: шуму Киаран при этом произвел немало, и голоса быстро смолкли. Схватившись за следующее дерево, он поборол приступ тошноты и как раз ухватился за высокий корень, когда совсем рядом раздалось громкое:

— Что еще за... *Орла!*

Голос был женский, а еще Киаран увидел темно-зеленую куртку, яркую шапку — но в остальном все расплывалось, и ему пришлось привалиться плечом к стволу и зажмуриться, чтобы вернуть реальность в четкие границы.

Когда он снова открыл глаза, на него было наставлено сразу четыре пистолетных дула. Рекорд, если подумать.

Здесь действительно были две женщины — одна молодая и одна в возрасте — и двое мужчин. Последние заговорили одновременно, и их голоса слились воедино:

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

